

«Я перестану петь, когда мне будет 90»

В свои 50 Пол Маккартни уже седой, хотя в его то каре-серых, то светло-голубых глазах нет-нет, да мелькнет что-то от озорного, зашито-го в кожу стилиста. Он уже не так легко переступает через ветки на тропинке к дому, как когда-то прыгал через провода в студии звукозаписи на Эбби-роуд. Пол Маккартни старается быть и сдержаннее, и, наверное, чуть-чуть солиднее, чем он есть. Но стоит лишь намекнуть на это, как он разводит руками, как бы извиняясь, — может, это только кажется, пожимает плечами и мило улыбается.

— Только не говорите со мной о «Битлз», о моем хобби и вообще глубоко о жизни, пожалуйста... Мы обязательно поговорим об этом позже, весной, например, когда пластинка будет готова. Сегодня лучше побеседуем о том, чем я живу сейчас, хорошо?

— Вся Англия говорит сейчас о «Ливерпульской Оратории» — классическом произведении для оркестра, которое вы недавно написали. Она вам удалась?

— Я давно подумывал о том, чтобы написать полное классическое произведение для Ливерпульского Королевского филармонического общества, чтобы отметить его 150-летнюю годовщину. Уже несколько раз я проигрывал варианты классического подхода к музыке — в таких моих песнях, как «Вчера» и «Элеонор Ригби», но до сих пор мне не удалось написать настоящую 90-минутную вещь.

Эта работа дала мне шанс кое-что вернуть Ливерпулю, городу, в котором я родился и вырос. Я хотел, чтобы это произведение впервые прозвучало в Ливерпульском Кафедральном Соборе, чтобы его исполнили кафедральные хористы — члены того самого хора, где пробовал петь еще ребенком, — тогда, правда, меня так и не приняли: не умел читать по нотам.

Правда, и на этот раз писать музыку было немножко страшновато, что ли. Я ведь до сих пор не могу писать или читать по нотам, и до конца не был уверен, как музыка прозвучит. И когда впервые услышал ораторию в исполнении целого хора и целого оркестра, к горлу подкатил комочек, я чуть не заплакал.

— Пользуется ли оратория успехом?

— Когда я присутствовал на концерте в Кафедральном

Соборе, люди встали со своих мест и приветствовали финал стоя. Мы записали «живой альбом», и по всей Британии он вышел на первые места в списке популярных классических произведений. То же самое произошло в Штатах — такое со мной случилось в первый раз.

— Насколько автобиография ваша оратория?

— Я не очень люблю автобиографии. Я еще не состарился, я не собираюсь уходить на пенсию.

Это рассказ о жизни ребенка в Ливерпуле во время войны. Ребенок вырастает, становится мужчиной, влюбляется и сталкивается с проблемами обыкновенного человеческого бытия. Оратория начинается звуками налета военных самолетов на Ливерпуль. Я пытаюсь рассказать, как этот парень и его беременная жена прячутся в убежище от бомбежки.

В оратории я размышляю и о Линде, о том, как мы с ней познакомились, о том, как это здорово — иметь детей. Когда я впервые сыграл эту вещь Линде, она слегка расплакалась.

Я хотел бы написать еще что-нибудь в том же духе — концерт для скрипки или симфонию для гитары. Мне нравится, что необязательно их исполнять самому. Когда мне исполнится 90 лет, я смогу прийти на концерт и послушать свою музыку в исполнении профессионалов.

— Вы еще что-нибудь сделали в своей жизни для Ливерпуля?

— С большим энтузиазмом занимаюсь сейчас проектом открытия старой школы грамматики в Ливерпульском институте. С этой целью собираюсь начать сбор денег. И если идея удастся, надеюсь время от времени приезжать туда и что-нибудь преподавать. Конечно, такие вещи не делаются за один день. Но я очень надеюсь, эта школа — она будет называться Ливерпульским институтом спенических искусств — станет не просто академическим местом, где дети изучают музыку, таких заведений сколько угодно. Наша школа будет от них отличаться, возможно, гибкостью графика, отсутствием строгой администрация...

— Вы зарабатываете ог-

ромные деньги. Не мешает ли коммерция творчеству?

— Зарабатывание денег и творчество — вещи связанные, но не зависящие друг от друга. Я уверен: если бы компании мира разом отказались выпускать мои пластинки, я все равно бы продолжал писать. Музыка — это то, что я всегда делал с 14 лет, когда написал первую песню.

Если кто-то и давит на педаль, когда он становится «коммерческим», так это он сам. Я пишу не для критиков — для собственного удовлетворения.

— Вы путешествуете только первым классом в разряде «особо важных персон». Неужели не чувствуете себя оторванным от окружающих?

— Нет. Я по-прежнему смотрю на себя со стороны, как на обыкновенного в чем-то парня с обычными ценностями. Не прячусь, я не затворник. Временами брожу по улицам Лондона и не испытываю при этом ни страха, ни дискомфорта.

— Что вы думаете о современных рок-группах? Почему «старика» до сих пор так популярны, даже среди молодежи?

— В конце июля 1990 года я завершил крупнейшее мировое турне в своей жизни — исполнил 102 концерта в 13 странах. И в конце этого года я снова надеюсь выйти на дорогу.

Между этими двумя турне выпустил тройной «живой» альбом, акустический альбом «Потерявший связь». Песни из него прозвучали на шоу «Эм-Ти-Ви». Выпустил альбом «Ливерпульская оратория». Выпустил, наконец, на Западе альбом рок-н-роллов «Снова в СССР», который до этого выходил только в России. Этой зимой работаю со своей группой над новым студийным альбомом, с которым я надеюсь отправиться в турне.

Вслед за «Потерявшим связь» мы также сделали несколько импровизированных клубных концертов в Барселоне, Копенгагене, Лондоне и Корнволе. Так что я по-прежнему нахожу сегодня новую музыкальную сцену довольно привлекательной.

Я слушаю множество групп: «РЭМ», «Стоун Кроуз», «Стоун Роузез». Думаю, группы, сохранившие популярность,

просто по-настоящему умеют играть. По этой причине «Роллинг Стоунз», «Зе Ху», мы, «Грейтфул Дэл» продолжают оставаться на сцене, потому что в самом начале все мы учились играть, играть на инструменте. Именно на маленьких сумасшедших концертах, вечеринках, в пивнушках и рабочих клубах мы научились настоящей игре, настоящему искусству выступать на сцене.

— Какую музыку вы хотели исполнять в будущем?

— Хорошую. Во время последнего турне мы исполнили много песен «Битлз», которые я раньше никогда не играл со сцены, — «Сержант Пеппер», «Эй, Джули!», «Пусть будет так». Это подействовало на меня, как освежающий душ. Я чувствовал себя так, как будто пою совершенно новые песни. На маленьких концертах в Южной Америке мы исполнили много рок-н-роллов: «Здесь, там и везде», «Я только что увидел лицо», «Скворец», «Она — женщина».

— Сколько вы собираетесь играть «живьем»?

— До тех пор, пока мне не исполнится девяносто лет.

— Собираетесь ли вы все-таки приехать в Россию или в какую-либо другую восточноевропейскую страну?

— Да, меня просили дать там концерты, и я, честное слово, чертовски хотел бы это сделать. Во время последнего турне мы очень хотели попасть в Советский Союз. Но, увы, нам не повезло с погодой. А играть «живьем» под дождем, когда под ногами у тебя электропровода, не очень-то удобно и небезопасно...

— У вас широкая известность защитника окружающей среды. Вы не собираетесь податься в политику, чтобы продолжать заниматься этим делом на новом уровне?

— Меня раздражает: ведь я и не должен заниматься этим! Я не должен проводить кампании по защите окружающей среды! Но что делать, если политики сидят сложа руки? Я не эксперт, не специалист по очистке воздуха. Я всего-навсего отец четырех детей, который не хочет, чтобы они росли в мире, где нельзя дышать хорошим свежим воздухом.

Станислав КУЧЕР.
(Наш спец. корр.).

Лондон.